

**Графиня
София де Сегюр**

София Сегюр
Сестра Грибуйля

«Автор»

Сегюр С. д.

Сестра Грибуйля / С. д. Сегюр — «Автор»,

Графиня София де Сегюр (1799–1874) родилась в Петербурге. Ее отец Ф.В. Ростопчин (1763–1826) был генерал-лейтенантом, министром иностранных дел при Павле Первом, а в 1812 г. – генерал-губернатором Москвы, организатором московского пожара, вынудившего Наполеона к бесславному отступлению. С 1814 г. семья жила за границей – в Польше, а затем во Франции. 1819 г. София вышла замуж за Евгения Сегюра, правнука знаменитого французского маршала. Граф Ростопчин подарил дочери французское поместье Нуэтт, где она провела много лет, воспитывая своих восьмерых детей и внуков. Муж предпочитал вести отдельную жизнь и именовал русскую жену «матушка Гусыня». Но этот образ жизни обернулся открытием ее литературного таланта. В 58 лет София де Сегюр опубликовала свою первую книгу «Новые сказки фей для маленьких детей». Впоследствии она написала около двадцати романов для детей, три тома религиозных наставлений, книгу рецептов и советов для молодых матерей и заслужила репутацию одного из лучших писателей того времени. Книги графини де Сегюр вышли во Франции общим тиражом свыше 20 миллионов экземпляров и издаются по сей день. Некоторые романы экранизированы. В России ее произведения тоже неоднократно издавались. Роман «Сестра Грибуйля» идеально подходит для семейного чтения. История французского «Иванушки-дурачка» затронет души не только детей, но и родителей. Чередование фарса и трагедии, юмора и лирики делает необыкновенно увлекательным сюжет о судьбе юноши и его сестры.

© Сегюр С. д.

© Автор

Содержание

I. Грибуйль	7
II. Обещание Каролины	11
III. Смерть матушки Тибо	14
IV. Послушание Грибуйля	18
V. Мечь Розы	21
VI. Объяснения	25
VII. Разбитая посуда	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

София де Сегюр Сестра Грибуйля (перевод И.Г. Башкировой)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моей внучке

Валентине де Сегюр-Ламуанон

Дорогое дитя, посылаю тебе, милой и всеми любимой, историю несчастного мальчика, немного слабоумного, почти не любимого, очень бедного и не изведавшего никаких жизненных благ. Сравни его жизнь со своей и возблагодари Бога за разницу.

Графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина

І. Грибуиль

Матушка Тибо лежала, вытянувшись на постели, и грустно глядела, как ее дочь Каролина усердно трудилась над платьем, которое следовало в тот же вечер отнести жене мэра г-же Дельмис. Сидевший рядом с матушкой Тибо ее сын Грибуиль, мальчик лет пятнадцати-шестнадцати, пытался вклеить листы, выпавшие из очень старой и зачитанной книги. Этот труд был бесконечным и безуспешным, потому что, приклеив лист, Грибуиль тут же тянул за него, чтобы убедиться, хорошо ли держится; не успевший высохнуть листок отрывался, и мальчик начинал все сначала, не проявляя ни досады, ни огорчения.

– Мой бедный Грибуиль, – сказала мать, – ведь листы никогда не приклеются, если ты будешь так за них тянуть.

ГРИБУЙЛЬ. – Вот как раз и надо, чтобы они прочно держались, чтобы не отрывались, когда я за них берусь; другие листы ведь можно тянуть, почему бы не потянуть за эти?

МАТЬ. – Потому что они вырваны, дружок...

ГРИБУЙЛЬ. Вот раз они вырваны, то я и хочу их вклеить обратно. Мне ведь нужен катехизис, правда? И господин говорил, что нужен, и госпожа Дельмис говорила. Каролина дала свой, но он такой потрепанный, вот я и хочу его привести в хороший вид.

МАТЬ. – Если хочешь, чтобы листки держались, дай им высохнуть, после того как приклеишь.

ГРИБУЙЛЬ. – И что будет?

МАТЬ. – Будет то, что они больше не оторвутся.

ГРИБУЙЛЬ. – Правда? Ну ладно! Оставлю их до завтра, а там поглядим.

Грибуиль приклеил все оторванные листки и отнес книгу на стол, где Каролина разложила шитье и выкройки.

ГРИБУЙЛЬ. – Ты скоро кончишь, Каролина? Я хочу есть; пора ужинать.

КАРОЛИНА. – Через пять минут, осталось пришить пару пуговиц... Ну вот! Закончила. Я пойду отнесу платье, а затем вернусь и все приготовлю. А ты оставайся с мамой, чтобы ей дать что-нибудь, если попросит.

ГРИБУЙЛЬ. – А если ничего не попросит?

КАРОЛИНА, смеясь. – Тогда ничего не давай.

ГРИБУЙЛЬ. – Тогда мне бы хотелось пойти с тобой, а то я все дома да дома!

КАРОЛИНА. – Но... маму нельзя оставлять одну... такую больную... Знаешь что?.. Я думаю, что ты мог бы и сам отнести это платье госпоже Дельмис... Я заверну его как следует, а ты возьмешь подмышку и отнесешь госпоже Дельмис; там спросишь служанку, отдашь ей и скажешь, что это от меня. Ты хорошо понял?

ГРИБУЙЛЬ. – Отлично. Я возьму сверток подмышку, отнесу его госпоже Дельмис, спрошу служанку и отдам его ей от твоего имени.

КАРОЛИНА. – Очень хорошо. Скорее ступай и возвращайся; когда вернешься, ужин будет готов.

Грибуиль схватил сверток, помчался стрелой, прибежал к г-же Дельмис и спросил служанку.

– Она на кухне, мальчик; первая дверь налево, – ответил выходивший почтальон.

Грибуиль знал дорогу на кухню; войдя, он поздоровался и передал сверток мадмуазель Розе.

ГРИБУЙЛЬ. – Сестра посылает вам маленький подарок, мадмуазель Роза: платье, которое она сама сшила, полностью своими руками; знаете, она ужасно спешила, чтобы закончить его нынче вечером.

М-ЛЬ РОЗА. – Платье для меня! О, как это любезно со стороны Каролины! Ну-ка посмотрим, как оно выглядит.

М-ль Роза сняла обертку и развернула красивое платье из бело-розового линон-батиста. Она испустила восхищенный вопль, поблагодарила Грибуйля и, вне себя от радости, наградила его большим куском лепешки и звучным поцелуем; потом поскорее побежала к себе в комнату, чтобы примерить платье, и обнаружила, что оно идет ей превосходно. Грибуйль, очень гордый своим успехом, отправился домой.

– Я выполнил твое поручение, сестрица. Мадмуазель Роза очень довольна; она меня поцеловала и дала большой кусок лепешки; я хотел было его съесть, но решил сохранить, чтобы дать кусочек тебе и кусочек маме.

КАРОЛИНА. – Это очень мило с твоей стороны, Грибуйль; благодарю тебя. А вот как раз и ужин готов: садись за стол.

ГРИБУЙЛЬ. – А что у нас на ужин?

КАРОЛИНА. – Суп с капустой и шпиком и салат.

ГРИБУЙЛЬ. – Отлично! Я люблю суп с капустой, и салат тоже; а потом мы съедим лепешку.

Каролина и Грибуйль принялись за ужин. Прежде чем положить себе еду, Каролина покормила мать, не покидавшую постель по причине полного паралича. Грибуйль ел с жадностью, никто не произносил ни слова. Когда подошла очередь лепешки, Каролина спросила Грибуйля, не госпожа ли Дельмис угостила его.

ГРИБУЙЛЬ. – Нет, я не видел госпожу Дельмис. Ты мне сказала спросить служанку, я и спросил служанку.

КАРОЛИНА. – А ты не знаешь, довольна ли платьем госпожа Дельмис?

ГРИБУЙЛЬ. – Честно говоря, нет; да меня это и не волнует; и потом, какая разница, довольна она или нет? Мадмуазель Роза платье получила, оно ей понравилось, она смеялась и сказала, что ты очень любезна.

КАРОЛИНА, *с удивлением*. – Что я любезна? Что за любезность в том, чтобы передать платье?

ГРИБУЙЛЬ. – Я про это ничего не знаю; повторяю то, что сказала мадмуазель Роза.

Каролина была немного удивлена радостью м-ль Розы, и ее удивление еще больше усилилось, когда маленький Колас, крестник г-жи Дельмис, прибежал, и, запыхавшись, потребовал платье, обещанное на этот вечер.

КАРОЛИНА. – Я отправила его час назад; с Грибуйлем.

КОЛАС. – Но раз госпожа Дельмис просит, надо полагать, что она его не получила.

КАРОЛИНА, *Грибуйлю*. – Разве ты не отдал его мадмуазель Розе?

ГРИБУЙЛЬ. – Да, отдал, от твоего имени, как ты мне и велела.

КАРОЛИНА. – Наверно, мадмуазель Роза забыла его передать. Беги скорее, Колас, скажи госпоже Дельмис, что платье уже час как лежит у мадмуазель Розы.

Колас побежал обратно. Каролина встревожилась; она опасалась, не решаясь себе в этом признаться, оплошности или ошибки Грибуйля; но на все ее расспросы Грибуйль неизменно отвечал:

– Я отдал сверток мадмуазель Розе, как ты и велела.

Каролина принялась готовить семейный ночлег. Ее бедная мать уже пять лет не вставала с постели и не могла помочь дочери в заботах по хозяйству; но Каролины хватало на все: деятельная, работающая, аккуратная, она содержала дом в примерном порядке, что особенно бросалось в глаза по контрасту с его ветхой меблировкой. Своим трудом она восполняла самые неотложные нужды семьи, особенно заботясь о матери. Грибуйль помогал ей изо всех сил; но у бедного мальчика был столь ограниченный ум, что Каролина не могла ему поручить другую работу, кроме той, которую он выполнял вместе с ней. Его настоящее имя было Бабилас;

однажды, попав под дождь, он вообразил, что сбережет красивый новый костюм, войдя по колено в ручей, протекавший под сенью плакучих ив. Товарищи посмеялись над ним, заявив, что он поступил, как настоящий Грибуйль¹ который лез в воду чтобы не промокнуть. С этого дня его иначе не называли, как Грибуйлем, и это имя прижилось даже в семье. Слегка глуповатое выражение лица с мягкими правильными чертами, полуоткрытый рот, тощая фигура, нескладная манера держаться обращали на себя внимание, обнаруживая некоторое расстройство умственных способностей и все же вызывая интерес и симпатию. В то время, как он помогал сестре наводить порядок, сильный стук в дверь заставил Каролину вздрогнуть.

– Войдите! – ответила она в некотором волнении.

М-ль Роза с пылающим яростью лицом распахнула дверь, ворвалась в комнату и кинулась на Каролину:

– Попрошу вас, сударыня, на будущее избавить меня от ваших скверных шуточек и не пытаться поссорить нас с хозяйкой – вы, верно, собираетесь занять мое место?

КАРОЛИНА. – Что вы хотите сказать, мадмуазель Роза? Я не понимаю ваших упреков; мне никогда и в голову не приходило ссорить вас с госпожой Дельмис.

М-ЛЬ РОЗА. – А что же это, для ее удовольствия, что ли, вы посылаете мне платье, как будто для меня, прекрасно зная, что это ее платье, что она велела вам его сделать и ждет. Я в полном неведении надеваю это платье, ахаю от такой любезности с вашей стороны – и вот, нате вам, госпожа Дельмис, которая бог весть что выглядывала в окно, видит, как я прохожу мимо, узнает платье, которое предназначалось ей, поносит меня перед всей улицей и велит вернуться, чтобы меня раздеть и отобрать платье, которое вы мне послали в подарок! А я еще имела глупость дать лепешку вашему идиоту братцу, соучастнику этих козней!

КАРОЛИНА. – Ваши слова очень меня удивляют, мадмуазель Роза. Я попросила брата отнести вам платье, думая, что вы передадите его госпоже Дельмис; могла ли я предположить, что вы его примете за подарок от меня, бедной девушки, которая из последних сил поддерживает существование своей семьи? А что касается брата, то он всего лишь исполнял поручение, которое я ему дала, и я думаю, что он несколько не заслуживает ваших упреков.

М-ЛЬ РОЗА. – Ну что ж, сударыня! извиняйтесь, сколько хотите; но я вас предупреждаю: если вы рассчитываете, что госпожа Дельмис меня выставит и вы займете мое место, то недолго там удержитесь. Хозяйка капризная и скупая, платит мало, за всем приглядывает, бранится с утра до вечера, ставит в счет каждое полено, каждую свечу; прячет сахар, кофе, варенья, вино, короче, все; это не дом, а настоящий барак; да еще дети бегают туда-сюда, то один, то другой. Это невыносимо, и я это вам говорю заранее, чтобы вы знали, что это такое.

КАРОЛИНА. – У меня нет ни малейшего желания идти на службу к госпоже Дельмис, уверяю вас; вы ведь знаете, что я не могу покинуть мать с братом. Но если этот дом так плох, почему вы уже год как там живете и почему вас так рассердила мысль, что я хочу вас оттуда выставить? Я всегда видела от госпожи Дельмис доброту ко всем и особенно к вам, мадмуазель Роза; когда вы болели три месяца тому назад, мне кажется, она очень о вас заботилась, три ночи бодрствовала у вашей постели и не отказывала ни в чем, что бы могло быть вам полезным и приятным. Вам следовало бы проявить бóльшую признательность, а не говорить о ней подобных вещей.

М-ЛЬ РОЗА. – Я не нуждаюсь, сударыня, в ваших поучениях; сама знаю, что говорить, а что не говорить. Вижу по вашим словам, что вы умеете подольститься к госпоже Дельмис, чтобы вытянуть из нее побольше денежек; но я уж порасстрою ваши планы, и вам не так-то легко будет сбывать ваши платья. Так что ваша репутация хорошей портнихи пошатнется, вот увидите!

¹ Грибуйль – образ нелепого, наивного чудака из французского фольклора.

КАРОЛИНА. – Почему же мне будет труднее сбывать мои платья, если я так над ними стараюсь? Я делаю, что в моих силах, Господь поддерживает меня в труде и не оставит заботой.

М-ЛЬ РОЗА. – Да-да, красавица, надейтесь на него, коли хотите, – а я вот как устрою кое-что невзначай: тут ножницами дырочку, там утюжком складочку – тогда увидите, что станет с вашим прекрасным талантом по части платьев да манто.

КАРОЛИНА. – Это невозможно, мадмуазель Роза; нет, вы не устроите подобную мерзость!

ГРИБУЙЛЬ. – Что она хочет тебе устроить, сестрица? Скажи мне, а я уж сумею ей помешать.

М-ЛЬ РОЗА. – Что? Ты, дурак, помешаешь мне устроить с платьями, что я захочу? Да плевать я на тебя хотела, идиот.

ГРИБУЙЛЬ. – Ах вы, злая старая девка! Да у нас тут не одна госпожа Дельмис живет, и я вам тоже устрою кое-что, если вы причините вред сестрице.

М-ЛЬ РОЗА, *с яростью*. – Старая девка! Это еще что значит – старая девка! Я отказала больше чем двадцати мужьям, и...

ГРИБУЙЛЬ. – Ну-ка, назовите-ка имена, мадмуазель. Хотя одно, если сумеете.

М-ЛЬ РОЗА. – Имена! Имена! Как будто можно всех их запомнить!

ГРИБУЙЛЬ. – Одно! Ну, одно-единственное!

М-ЛЬ РОЗА. – Ну например, хотя бы – Тайошон с мельницы...

ГРИБУЙЛЬ. – Горбун? Ха-ха-ха! Горб побольше его самого, кривые ножки, обезьянья морда. Ха-ха-ха! Вот так красавец-муж!.. Госпожа Тайошон! Ха-ха-ха! Да он вам по колено!

М-ЛЬ РОЗА. – Потому я его и не захотела, дурак. Ну вот еще – Бурсифло, бакалейщик...

ГРИБУЙЛЬ. – Groшовый бакалейщик, нос кривой, правая щека размером с голову, пьяный с утра до вечера и с вечера до утра! Вот еще один превосходный муж! Если все остальные вроде этих, вам уж лучше не хвастаться... Бурсифло! Вот это да! И Тайошон! Ха-ха-ха! Хорошенькое дельце! Да, есть из чего выбирать!

М-ль Роза, выведенная из себя замечаниями Грибуйля, кинулась на него с намерением доказать силу своего кулака, но Грибуйль, угадав атаку, с легкостью пятнадцатилетнего мальчишки схватил стул и выставил его между собой и нападавшей стороной в тот миг, когда, как следует размахнувшись, она собиралась залепить ему наисильнейшую пощечину; так что удар достался не Грибуйлю, а руке м-ль Розы, после столкновения со стулом повисшей без движения. М-ль Роза испустила крик боли, смешавшийся с победным воплем Грибуйля. Каролина схватила его за куртку и, оттащив назад, встала между двумя бойцами. Но Роза признала поражение; боль оказалась сильнее злобы; поддерживая левой рукой разбитую правую, она издавала сдавленные стоны. Позволив Каролине осмотреть рану и смазать ушиб зверобойным маслом, она удалилась, не сказав ни слова и со всей силы грохнув дверь.

II. Обещание Каролины

Во время этой сцены матушка Тибо не произнесла ни слова, но была чрезвычайно взволнована; когда м-ль Роза ушла, она подозвала Грибуйля.

– Грибуйль, как получилось, что мадмуазель Роза могла подумать, будто твоя сестра отдала ей в подарок платье госпожи Дельмис?

ГРИБУЙЛЬ. – А почему я знал, что это платье для госпожи Дельмис? Я повторил мадмуазель Розе то, что Каролина велела ей сказать.

МАТУШКА ТИБО. – Но что ты сказал? Повтори свои слова в точности.

ГРИБУЙЛЬ. – Я сейчас уже не помню хорошенько. Мне кажется, я сказал так: «Мадмуазель Роза, вот платье, которое моя сестра сделала для вас и которое вам посылает».

МАТУШКА ТИБО. – И мадмуазель Роза решила, что это для нее?

ГРИБУЙЛЬ. – Конечно, потому что я и сам так подумал, а раз я так подумал, почему бы и ей так не подумать?

КАРОЛИНА. – Я теперь понимаю, почему она так рассердилась: она решила, что я захотела посмеяться над ней и чтобы ей попало.

МАТУШКА ТИБО. – Ну зачем ты даешь Грибуйлю поручения? Ты же знаешь, что бедный мальчик...

КАРОЛИНА, *быстро*. – Очень славный и старается, как может, чтобы все делать хорошо; я это знаю, мама; он так счастлив, когда может мне помочь!

ГРИБУЙЛЬ. – Какая ты добрая, Каролина! Да, я всегда хочу тебе помочь, но не знаю, как это выходит, что все оборачивается против меня, и вместо того, чтобы помочь, я причиняю зло. Я же не нарочно.

МАТУШКА ТИБО. – Тогда зачем ты берешься за ее дела, дружок, если знаешь, что недостаточно умен, чтобы их выполнять как следует?

КАРОЛИНА. – О, мама, часто он мне очень полезен...

ГРИБУЙЛЬ, *с грустью*. – Ладно, ладно, милая Каролина, ты остановила маму как раз когда она хотела сказать, что я дурак. Я знаю, что я дурак, но не настолько, как это думают. Мне хватит ума, чтобы отомстить за тебя мадмуазель Розе, я в этом уверен.

КАРОЛИНА. – Грибуйль, я тебе запрещаю; никакого мщения, дружок; будь добр и милосерден, прощай тех, кто нас обижает.

ГРИБУЙЛЬ. – Я готов простить тем, кто меня обижает, но никогда – тех, кто обижает тебя! Ты ведь так добра, ты никому не делаешь вреда!

КАРОЛИНА. – Прошу тебя, Грибуйль, не думай об этом больше; защищай меня так же храбро, как ты только поступил, я не против, но никогда не мсти за меня. погоди, – добавила она, подавая ему книгу, – вот прочитай этот отрывок из жизни нашего Спасителя Иисуса Христа: ты увидишь, как он прощает все и всегда; и старайся поступать, как он.

Грибуйль взял книгу и с усердием принялся за чтение. Мать Тибо подозвала Каролину и заговорила с ней вполголоса.

– Доченька, – произнесла она, – что станет с бедным мальчиком, когда меня не будет? Пока я жива, у нас есть рента в шестьсот франков, которую выплачивает кузен Леро, за то, что я уступила ему сбыт табака, но этого хватит ненадолго; я каждый день чувствую, как тают силы; руки становятся такими же неподвижными, как ноги; голова порой совсем отказывает; я никак не могу прийти в себя от того, что сейчас произошло. Что станет с тобой, бедное дитя, и с Грибуйлем, ведь он и сам не способен зарабатывать на жизнь, и тебе мешает найти место. Бедный Грибуйль!

– Не беспокойтесь обо мне, дорогая мама, – сказала Каролина, нежно целуя ее, – вы же знаете, я хорошо шью; в заказах нет недостатка; я без труда заработаю на жизнь с Грибуйлем,

а он будет вести хозяйство, заниматься покупками и помогать мне чем сможет. Да и к тому же вы не так тяжело больны, как считаете; вы еще долго проживете; а через несколько лет брат станет хорошим работником и таким же правоспособным, как любой человек.

МАТУШКА ТИБО. – Я в это не верю, доченька. Мой бедный Грибуйль всегда будет тем, что он есть, и всегда будет тебе помехой и докукой.

КАРОЛИНА. – Докукой – никогда, мама. Помехой... может быть; но я рассчитываю на Божью помощь и обещаю вам никогда не покидать моего бедного брата, что бы ни случилось.

МАТУШКА ТИБО. – Спасибо, доченька, спасибо, милая Каролина. Но если ты увидишь, что он мешает тебе зарабатывать на жизнь, постарайся его устроить к хорошим людям, достаточно жалостливым, достаточно милосердным, которые будут о нем заботиться из любви к Господу. Посоветуйся с господином кюре, он тебе поможет: ты знаешь, как он добр.

КАРОЛИНА. – Будьте уверены, мама, я никогда не оставлю моего брата.

МАТУШКА ТИБО. – Никогда... никогда... Спасибо... Никогда... О, боже мой! Ничего не понимаю... ничего не соображаю... Моя голова... Все исчезает... Господин кюре... А-а-а!..

– Грибуйль, Грибуйль, беги скорее за господином кюре! – вскричала Каролина, кидаясь к матери, начавшей терять сознание.

ГРИБУЙЛЬ, *вставая*. – А если я его найду, что надо будет сделать?

КАРОЛИНА. – Привести его сюда; скорее, скорее, скажи ему, что мама умирает.

Грибуйль выскочил из дома и побежал к священнику, которого застал за партией в домино с городским аптекарем.

– Глядите-ка! Грибуйль! – сказал кюре с доброй улыбкой. – По какому случаю, малыш? У тебя есть ко мне дело?

ГРИБУЙЛЬ. – Скорее, скорее, господин кюре! Мама умирает; мне надо вас привести: так Каролина сказала.

Кюре встал, надел шляпу, взял трость и молча последовал за Грибуйлем. Через несколько минут они были у дверей дома; кюре вошел первым; Каролина горячо молилась, стоя на коленях у постели матери; услышав стук двери, открытой рукою кюре, она встала и подала знак подойти.

Матушка Тибо открыла глаза, попыталась заговорить, но смогла произнести лишь несколько отрывочных слов: «Доченька!.. бедный Грибуйль!.. Милосердный Господь... не оставит... Я умираю... Бедные дети... Спасибо... Простите...»

Кюре попросил Каролину и Грибуйля покинуть комнату, опустился на колени возле постели матушки Тибо и тихо заговорил с ней; без сомнения, слова доходили до больной: лицо вновь прояснилось; она попыталась перекреститься и сложила руки, устремив взгляд на распятие, висевшее на стене напротив. Кюре продолжал говорить и молиться; она отвечала ему отрывочными словами и знаками, и так долго длилась беседа, от которой она, казалось, получила большое утешение.

Опасаясь, однако, утомить бедную женщину, кюре собирался уйти; но брошенный ею умоляющий взгляд задержал его возле одра; он позвал Каролину, которая плакала с Грибуйлем в чулане рядом с комнатой.

– Ваша мать очень плоха, дорогое дитя; у нее начался новый приступ. Как велит медицина поступать в подобном случае?

КАРОЛИНА. – Мы уже много лет не обращались к доктору, господин кюре. Когда у матушки произошел первый удар, который ее парализовал, он сказал, что ничего здесь не поделаешь и что бесполезно его звать, если случится новый приступ; единственное, что здесь требуется, – это послать за вами, что я и сделала.

КЮРЕ. – Боюсь, бедное дитя, что доктор был прав. Я действительно не знаю средства, которое могло бы ее вылечить. Она, как всегда, очень спокойна, полностью покорна Божьей воле, я пообещал ей не оставлять вас, утешать, помогать в лишениях, которые достанутся вам

в удел. Я знаю ваше мужество и вашу набожность, дитя мое; милосердный Господь не оставит ни вас, ни вашего брата, ибо вера в него всегда с вами.

Каролина отвечала лишь рыданиями; она бросилась на колени перед добрым священником, который дал ей отеческое благословение и заплакал вместе с ней.

Грибуйль продолжал рыдать в своем чулане; но слезы лились больше от печали, которую он испытывал при виде плачущей сестры, чем от беспокойства по поводу состояния матери, тяжесть которого он не понимал. Кюре подошел к нему и, нежно погладив по голове, сказал:

– Не плачь, мой славный мальчик, этим ты усиливаешь горе твоей сестры.

ГРИБУЙЛЬ. – Я плачу, потому что она плачет, господин кюре, если бы я ее видел довольной, я бы не плакал; у меня нет другой причины плакать. Только я хотел бы знать, из-за чего мы плачем.

КЮРЕ. – Твоя сестра плачет потому, что матушка очень больна.

ГРИБУЙЛЬ. – Да это как обычно: она ведь всегда лежит в постели.

КЮРЕ. – Но ей кажется, что сегодня вечером она умрет, и это огорчает твою сестру.

ГРИБУЙЛЬ. – Было бы из-за чего огорчаться! Мама всегда говорит: «Боже мой, если бы я могла умереть! Как я была бы рада, если бы умерла! Я бы больше не страдала!» И кроме того, мама сказала, что, когда она умрет, то отправится к Господу, к святой Богородице, к ангелам... Я тоже готов туда отправиться; мне скучно, когда Каролина работает, а мама говорит, что у Господа никогда не скучают. Скажите Каролине, чтобы она не плакала; прошу вас, господин кюре, скажите ей; она всегда вас слушается.

Кюре грустно улыбнулся, подойдя к Каролине, передал слова Грибуйля и попросил ее удерживать слезы, пока бедный мальчик не пойдет спать.

Каролина взглянула на мать, на распятие, приложила скрещенные руки к сердцу, как бы сжимая в нем свои чувства, и, подойдя к Грибуйлю со спокойным лицом, нежно обняла его.

КАРОЛИНА. – Неужели я заставила тебя плакать, мой бедный братик? Прости меня, я больше не буду. Гляди, видишь, какая я теперь спокойная... Видишь... я больше не плачу.

Грибуйль внимательно взгляделся в нее.

ГРИБУЙЛЬ. – Это правда; ну, тогда и я доволен. Я не могу не плакать, когда ты плачешь, и не смеяться, когда ты смеешься. Это сильнее меня, право слово. Вот почему я так тебя люблю! Ты такая добрая!

КАРОЛИНА. – Спасибо, дружок, спасибо. Но ты знаешь, что уже поздно? Ты устал; тебе пора спать.

ГРИБУЙЛЬ. – А тебе?

КАРОЛИНА. – Я приготовлю кое-что для мамы и потом лягу спать.

ГРИБУЙЛЬ. – Правда? Ты не будешь тут сидеть? Ты не будешь плакать?

КАРОЛИНА. – Конечно, нет; я буду спать до пяти часов утра, как обычно. Ступай, Грибуйль, ступай, дружок; помолись и ложись. Молись за маму, – добавила она, целуя его.

Грибуйль, успокоенный за сестру, уставший за день, не противился и поступил, как сказала Каролина. Через несколько минут он глубоко спал.

III. Смерть матушки Тибо

Когда Каролина вернулась в комнату матери, она застала кюре в молитве за упокой души, которая только что предстала перед Господом и получала награду за веру, терпение и смирение. Ее муки длились лишь несколько лет – а счастье будет длиться вечно.

При виде недвижимой бездыханной матери из груди Каролины вырвался крик, и, бросившись на колени, она дала волю слезам. Кюре переживал первый взрыв горя; увидев, что рыдания стали затихать, он взял девушку за руку и, поставив на колени перед распятием, на котором остановился последний взгляд матери, произнес голосом, полным любви и нежности:

– Мое бедное дитя, возблагодарите Господа за то, что он окончил страдания вашей матушки, просите, чтобы он дал вам силы справиться с одиночеством и лишениями. Помните, что милосердный Господь всегда с вами; если он посылает вам испытания, то это для того, чтобы искупить ваши грехи и достойнее вознаградить ваше послушание, смирение, преданность.

КАРОЛИНА. – Я знаю, господин кюре, я знаю! Но матушка, бедная матушка! Я остаюсь одна...

КЮРЕ. – Нет, не одна, дитя мое. Вам остается выполнить долг, великий долг: тот, что завещала ваша матушка. Вы остаетесь единственной поддержкой, единственной опорой вашего брата... Господь поможет вам, ибо задача трудная.

КАРОЛИНА. – Увы! да; мне поручен брат!.. Мой брат!.. Да укрепит меня Господь, потому что я чувствую, что мои силы слабеют.

КЮРЕ. – Он укрепит вас, дитя мое. Не сомневайтесь в его доброте, и что бы он вам ни послал, принимайте с благодарностью.

КАРОЛИНА. – Я постараюсь, господин кюре, я постараюсь... Да свершится его святая воля, а не моя!

Постаравшись утешить и подбодрить Каролину, добрый кюре сказал ей:

– Мое дорогое дитя, вам не следует оставаться наедине с бездыханным телом вашей матушки; я отправлюсь домой и пошлю вам старую Нанон, которая умеет обряжать и отпевать покойников. Завтра рано утром я навещу вас и устрою все, что требуется для похорон. Ни о чем не беспокойтесь; молитесь за матушку, молитесь за вас; положитесь на доброту всемогущего Отца. Прощайте, дитя мое, до свидания, и да покоится благословение божье на вас и на вашем доме!

Кюре дал последнее благословение матери и дочери и вышел из дома. Оставшись одна, Каролина не пыталась больше сдерживаться и, несмотря на смирение перед Божьей волей, со всей полнотой чувств предалась горю. Ее стоны и рыдания разбудили Грибуйля, хотя она из предосторожности плотно закрыла дверь.

Услышав плач сестры, он поднялся, наскоро оделся, тихонько приоткрыл дверь и обнаружил коленапреклоненную Каролину. Обратив к распятию залитое слезами лицо, она обессиленно уронила на колени скрещенные руки.

– Каролина! – произнес он с упреком.

Каролина поспешно утерла слезы, но не поднималась.

– Каролина! Ты меня обманула! Я спал, потому что поверил твоим словам!.. Каролина! Ты огорчена! Почему ты плачешь?

Каролина указала на безжизненное тело матери и произнесла еле слышно:

– Она умерла!

Грибуиль подошел к постели матери и внимательно посмотрел на нее.

– Она больше не страдает! – сказал он; – нет, не страдает... гляди, какое спокойное лицо. Она правду говорила... «Когда я умру, – сказала она мне, – я буду очень счастлива, я буду

жить вместе с Господом, святой Богородицей и ангелами»... Правда, она счастлива... Слушай, мне кажется, что она улыбается.

Грибуйль послал ответную улыбку тому, что принял за улыбку матери и, обернувшись к сестре, спросил:

– Почему же ты плачешь, раз она счастлива? Тебе что, не нравится, что она счастлива?

КАРОЛИНА. – О, братец, подумай только, ведь мы ее больше не увидим, не услышим ее голоса, не сможем ничего больше сделать для нее.

ГРИБУЙЛЬ. – Мы можем молиться, как сказал господин кюре. Мы не услышим больше, как она стонет и жалуется, не увидим больше, как она страдает; что, тебе приятнее ухаживать за ней, чем знать, что она счастлива? Вот странно!.. Я-то думал, что ты ее очень любила.

КАРОЛИНА. – Вот потому что я ее любила, я и плачу.

ГРИБУЙЛЬ. – Ну и глупо так любить. Плакать, потому что мама счастлива без тебя! Плакать, потому что она больше не страдает рядом с тобой!

КАРОЛИНА. – Это не так, Грибуйль, это не так. Если бы мне пришлось умереть, даже чтобы обрести счастье под сенью милосердного Господа, разве ты не плакал бы?

Грибуйль на мгновение задумался.

– Я бы поплакал немножко... может быть... но я был бы так рад, зная, что ты счастлива, и был бы так уверен, что когда-нибудь встречу с тобой, что сразу бы утешился и терпеливо бы ждал, когда Господь велит мне умереть, в мою очередь.

– У этого мальчугана больше здравого смысла, чем у нас всех, моя бедная девочка, – произнес громкий голос, заставивший Каролину и Грибуйля обернуться.

Это была Нанон; она вошла несколько минут назад и слышала разговор брата с сестрой.

– Ты прав, малыш; то есть прав по сути; но все-таки грустно больше не видеть тех, кого любил. Видишь ли, это как лекарство: глотать неприятно, но это все на благо. А теперь ступай спать, малыш; сейчас нам только это и нужно от тебя; ты будешь тут мешать, а не помогать.

ГРИБУЙЛЬ. – А Каролина?

НАНОН. – Я позабочусь о Каролине: не беспокойся...

ГРИБУЙЛЬ. – Вы не дадите ей плакать?

НАНОН. – А! Само собой! Хотелось бы мне поглядеть, как она будет плакать после того, что ты ей наговорил!

Грибуйль, полностью умиротворенный решительными словами Нанон и видимым спокойствием сестры, многократно поцеловал ее и отправился молиться в свою комнатку. Он просил Господа сделать мать очень счастливой.

– И меня тоже, милостивый Господь, – прибавил он, – сделай меня очень-очень счастливым, и Каролину тоже; и господина кюре, он такой добрый. Вот так мы все станем счастливыми, и Каролина больше не будет плакать.

Он снова лег спать и безмятежно заснул.

Когда на следующий день Грибуйль проснулся и отправился к Каролине, то комната была полна народу; слух о смерти матушки Тибо распространился по городу; понабежали соседки, кто из сочувствия, кто – из любопытства, немногие – из милосердия. Каролина провела ночь в молитвах о матери, которую Нинон обрядила в белый саван; бледная, растрепанная, печальная и поникшая духом, она с признательностью, но без ответных слов, принимала от соседок соболезнования, то искренние, то лживые; одни трещали без умолку, от других исходили утешения такого сорта, которые коробят и раздражают.

– Что вы будете делать с братом? – спросила одна из этих женщин. – Он помешает вам зарабатывать на жизнь. Если бы удалось устроить его в приют...

– Никогда! – сказала Каролина, вставая перед постелью матери, возле которой она сидела, опираясь на край. – Никогда! Я пообещала маме никогда не покидать бедного брата; я не изменю обещанию.

– Это красиво и великодушно, малышка, – отвечала Нинон с недовольным видом, – но как вы его прокормите? как вам прожить вдвоем на то, что вы зарабатываете своим трудом?

– Господь позаботится об этом, мама помолится за нас.

– Малышка упряма, – сказала добрая женщина, – посмотрим, как она выпутается.

– Ну, своей работой-то она не сильно выпутается, – сказал голос, который заставил Каролину и Грибуйля обернуться.

– Почему это сестра не выпутается своей работой? – сказал Грибуйль, подходя к мадмуазель Розе, ибо эти слова принадлежали ей.

– А вот спроси-ка у госпожи Дельмис, детка; она тебе все скажет.

Каролина больше никого не слушала; она вновь опустилась на колени у тела матери. Но Грибуйль, немного встревоженный словами м-ль Розы, несколько мгновений вглядывался в лживое хитрое лицо, а затем проскользнул к двери, приоткрыл ее и исчез. Прибежав в дом г-жи Дельмис, он попросил разрешения ее увидеть; она впустила его в свою комнату.

– Что ты от меня хочешь, бедный мальчик? – спросила она с интересом.

ГРИБУЙЛЬ. – Я пришел спросить вас, сударыня, почему моя сестра не сможет выпутаться своей работой.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Как? Что ты хочешь сказать, Грибуйль? Из чего твоя сестра должна выпутываться? И почему об этом ты спрашиваешь у меня, ведь я об этом ничего не знаю?

ГРИБУЙЛЬ. – Это мадмуазель Роза сказала мне спросить у вас, а то я бы не осмелился вас беспокоить, сударыня.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Мадмуазель Роза! Какая забавная шутка; а где она, Роза? где ты ее увидел?

ГРИБУЙЛЬ. – У нас дома, сударыня, там собрались кумушки со всего квартала.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – А по какому случаю у вас собрание кумушек?

ГРИБУЙЛЬ. – Они пришли посмотреть, что делает и говорит Каролина у тела мамы.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС, *с удивлением*. – У тела! Разве твоя матушка могла... умереть?

ГРИБУЙЛЬ. – Вот именно что умереть, сегодня ночью, сударыня.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС, *так же*. – Непохоже, чтобы ты особенно грустил по поводу смерти матушки.

ГРИБУЙЛЬ. – Это точно, сударыня; напротив, я очень рад за нее.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС, *с негодованием*. – Но это же отвратительно! Как! Матушка была так добра к тебе, а ты ее не любишь!

ГРИБУЙЛЬ. – Простите, сударыня, вот как раз потому что я ее очень люблю, я и доволен, ведь я больше не вижу, как она страдает, и знаю, что она счастлива.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Но ведь и ее ты больше никогда не увидишь!

ГРИБУЙЛЬ. – Простите, сударыня; я увижу ее в другом мире. Господин кюре сказал, что все встретятся после смерти и больше никогда друг друга не покинут и будут счастливы, так счастливы, что больше никому страдать не придется. Так что, как видите, сударыня, было бы довольно гадко и неблагодарно с моей стороны огорчаться тем, что мама счастлива; и знаете, я хотел бы к ней присоединиться!

Г-ЖА ДЕЛЬМИС, *с задумчивым видом*. – Бедный мальчик!.. Может быть, ты и прав... А что делает Каролина?

ГРИБУЙЛЬ, *в замешательстве*. – Мне очень неприятно вам сообщить, сударыня, что Каролина плачет... Не надо на нее за это сердиться; она, наверно, не верит, что мама счастлива... Понимаете, сударыня, Каролина вечно в работе, у нее нет времени подумать, как у меня. Да еще эти кумушки плетут невесть что. А господина кюре нету! А есть эта мадмуазель Роза, которая ей там наговорит с три короба... Так что, знаете, побегу-ка я поскорее на помощь Каролине; мадмуазель Роза меня все-таки боится: она знает, что мне ничего не стоит дать ей затрещину, если она будет мучить сестрицу.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Погоди, Грибуйль, я пойду с тобой. Я ведь не знала, что твоя бедная матушка умерла.

Г-жа Дельмис отправилась с Грибуйлем к нему домой; застав мадмуазель Розу, разглагольствующую посреди женской толпы, она спросила, что Роза тут делает вместо того, чтобы идти на рынок за провизией.

М-ЛЬ РОЗА. – Я пришла, сударыня, немного утешить Каролину в ее горе.

– Да, ничего себе утешение! – негодуяще воскликнула старая Нинон. – Вы только и говорили, что глупости, да еще и угрожали отобрать работу!

М-ЛЬ РОЗА. – Я! Да что вы! Возможно ли это! Господи Иисусе!

НАНОН. – Возможно-возможно, потому что это так и есть. Вот уж полчаса, что вы только об этом и говорите, у вас уж язык должен был отсохнуть от злобы. Но надеюсь, ваша злобность не нанесет ущерба такой набожной и честной девушке, как Каролина.

М-ЛЬ РОЗА. – Надеюсь, сударыня не придаст значения рассказам этой старухи.

НАНОН. – Сами вы старуха! Поглядите-ка на эту негодяйку, она только и умеет, что всех ядом обдавать! Вот бы чем вам торговать, красотка! Но я-то вас от этого товарца никогда не избавлю. Тут у нас на него спроса не имеется.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Ради бога, замолчите, милая Нинон. Ссориться в комнате покойной! Как можно так жестоко поступать с бедной Каролиной! А вы, Роза, ступайте и больше здесь не появляйтесь.

М-ЛЬ РОЗА. – Я слишком уважаю мадам, чтобы перечить ее приказам. У меня нет ни малейшего желания приходить разогревать кашку для идиота и утирать слезки его сестрице.

– Братец, бедный братец! – горестно вскричала Каролина, удерживая Грибуйля, готового кинуться на м-ль Розу.

– Уходите, – властно приказала г-жа Дельмис Розе, схватив ее за руку и толкая к двери.

Роза не посмела послушаться хозяйку и удалилась.

– Я очень сожалею о случившемся, моя бедная Каролина, – сказала г-жа Дельмис, пожимая ей руку; – я сделаю выговор Розе, когда вернусь домой. А если она и дальше посмеет вас оскорблять, я ее выгоню.

КАРОЛИНА. – Прошу вас, сударыня, простите ее; бедная девушка была раздражена ссорой, которая произошла у нее вчера с Грибуйлем; но по природе своей она не зла; это был приступ вспыльчивости... Я хотела бы также просить вас не оставить меня своей добротой и согласиться давать мне работу для вас и детей.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Конечно, милая Каролина; я как раз купила материал для летних платьев и рассчитываю на вас, чтобы сделать их как можно быстрее.

– Я займусь ими точас же, как закончится печальная церемония погребения, сударыня, – сказала Каролина, вытирая слезы, которые была не в силах удержать, – и приложу все старание: мадам может вполне на меня положиться.

Явился кюре; преклонив колена перед телом матушки Тибо, он подошел к г-же Дельмис и попросил ее продолжать оказывать покровительство Каролине и Грибуйлю. После недолгой беседы г-жа Дельмис предложила увести Каролину с собой, но та решительно отказалась и предпочла оставаться с матерью до того часа, который разлучит их навсегда.

IV. Послушание Грибуйля

Толпа разошлась. Каролина закрыла дверь, чтобы укрыться от назойливых взглядов зевак, и принялась с Грибуйлем и Нанон наводить порядок в доме. После тяжелой ночи, проведенной у тела матери, Каролина и Грибуйль присутствовали на скорбной церемонии погребения. Вернувшись в опустевший дом, Каролина горько заплакала, и сам Грибуйль не мог удержать слезы. Однако именно он вернул Каролине присутствие духа, продолжив начатые накануне увещания.

– У нас много дел, сестрица, – сказал он, когда увидел, что она стала спокойней, – надо стирать белье, убирать мамины вещи; а еще... шить платья для госпожи Дельмис.

КАРОЛИНА. – Ты прав, а я не права, что так распустилась: мне нужны силы; с Божьей помощью я их обрету.

ГРИБУЙЛЬ. – А я-то! Мне нужны и силы, и голова, ведь у меня теперь столько обязанностей.

КАРОЛИНА, улыбаясь. – Обязанностей? Каких? И сколько же у тебя обязанностей?

ГРИБУЙЛЬ. – Стирать белье, копать, сеять, поливать, ухаживать за садом, подметать дом, приносить воду, покупать провизию, чинить мебель, заниматься хозяйством. Это то, что ты делала со мной раньше; раз теперь у нас больше нет маминого содержания в шестьсот франков, надо зарабатывать деньги самим, и ты можешь их добывать своим трудом, а я могу только тебе помогать, чтобы ты не отвлекалась от работы.

КАРОЛИНА. – Какой ты добрый, Грибуйль! А знаешь, ты будешь очень полезным и у тебя очень хорошие мысли.

– Правда! – сказал Грибуйль, краснея от счастья, – я буду тебе полезен? Я ужасно, ужасно счастлив! Только попрошу тебя, говори каждое утро, что делать, и я буду выполнять... О! Вот увидишь, как точно я буду выполнять твои указания.

И Грибуйль тут же принялся за работу, взяв метлу и принявшись подметать дом, чего не делалось уже в течение двух дней. Он наполнил кувшины свежей водой, набрал в огороде овощей для вечернего супа, помыл их, почистил и аккуратно разложил возле плиты, где они должны были вариться, а затем занялся дровами для печки. Каролина в это время приводила в порядок вещи, служившие матери, убирала белье и откладывала в сторону то, что нуждалось в стирке и починке.

Так закончился день: грустно, но без уныния. Усталость прошедшего дня потребовала спокойного и долгого ночного отдыха. Проснувшись, Каролина услышала, как прозвонило семь часов; испуганная столь продолжительным сном, она соскочила со постели, произнесла короткую молитву, наскоро оделась и пошла будить брата, который еще глубоко спал.

– Просыпайся, Грибуйль – сказала она, целуя его, – уже поздно, очень поздно. Пора за работу!

Грибуйль протер глаза, попытался сесть, опять упал и заснул.

Каролина ласково смотрела на него.

– Бедный мальчик! Дать ему поспать? Разбудить?.. Он устал, он еще маленький... Приучать ли его преодолевать усталость и сонливость или же дать ему отдых, в котором он так несомненно нуждается... Что делать? Мама, подскажите...

Пока Каролина то протягивала, то убирала руку, не решаясь коснуться Грибуйля, он открыл глаза и сказал едва внятным голосом:

– Оставь меня... мне надо поспать.

– Спи, бедный братец, – тихонько сказала Каролина, запечатлев поцелуй на его лбу. – Спи, а я пока пойду в церковь молить Бога за нас и за матушку.

Каролина имела привычку слушать мессу каждое утро; в этот раз служба уже закончилась, церковь была пуста. Каролина преклонила колени перед алтарем и от всего сердца молилась за мать, за брата и за себя. Вернувшись домой, она застала Грибуйля в момент пробуждения и принялась готовить скромный завтрак, пока он умывался и одевался.

КАРОЛИНА. – Ты помолился, как делал это при жизни мамы, Грибуйль?

ГРИБУЙЛЬ. – Нет, забыл.

КАРОЛИНА. – Иди сюда, братец; помолимся вместе возле постели матушки, как обычно.

ГРИБУЙЛЬ. – Почему возле ее постели, раз ее там больше нет, ведь она нас больше не слышит?

КАРОЛИНА. – Из уважения к ее памяти, братец; ее больше нет там, но ее душа с нами; она видит и слышит нас; она молится за нас и с нами.

ГРИБУЙЛЬ. – Как ее душа может быть здесь, раз я ее не вижу?

КАРОЛИНА. – А ветер ты видишь? А мысль ты видишь?

ГРИБУЙЛЬ. – Нет.

КАРОЛИНА. – А между тем ветер дует и мысль существует; то же самое с маминой душой: мы ее не видим, но она существует и охраняет нас.

– Странно это все, – сказал Грибуйль, уставившись на сестру удивленным взглядом. – Я тебя понимаю, а то, о чем говоришь – нет. Ну, это неважно, я чувствую, что ты права.

Грибуйль встал на колени возле сестры, но повторяя за ней молитву, проявлял беспокойство, при малейшем шорохе украдкой оглядывался, как будто ожидая чьего-то появления.

– Теперь сядем завтракать, – сказала Каролина, закончив молиться. – Уже довольно поздно: мне следовало приняться за работу два часа назад.

ГРИБУЙЛЬ. – Что мне надо делать?

КАРОЛИНА. – Возьми узел с грязным бельем, который найдешь на чердаке, и отнеси его на стиральные мостки; я подойду и помогу тебе, когда раскрою и сметаю платья для госпожи Дельмис.

Грибуйль побежал на чердак, взял узел, отнес его на мостки и уселся рядом.

Сначала он терпеливо ждал, но час спустя ожидание показалось слишком долгим.

«Странно, зачем Каролина заставляет меня терять столько времени... Как скучно ничего не делать... Лучше бы я попросил у нее какую-нибудь работу; но она же сама сказала: «Я к тебе подойду...» Значит, мне не нужно уходить».

Грибуйль подождал еще час, потом не выдержал и заплакал; он рыдал, спрятав лицо в ладонях и облокотившись на колени, когда, к великой радости, услышал звавший его голос Каролины:

– Грибуйль, Грибуйль, ты закончил? Тебе нужна моя помощь? Я сметала платья и сейчас буду шивать юбки... Ну вот! Что с тобой? – добавила она с удивлением и ужасом. – Ты заплакал? Ты опять плачешь?

ГРИБУЙЛЬ, *рыдая*. – Мне скучно.

КАРОЛИНА. – А почему ты не вернулся, когда закончил? Мне показалось, что тебе тут работы не больше чем на два часа.

ГРИБУЙЛЬ. – Ты сказала, что придешь; вот я тебя и послушался.

КАРОЛИНА. – Бедный Грибуйль! Ты плохо понял.

ГРИБУЙЛЬ. – Ну нет: я очень хорошо понял; ты сказала так: «Я к тебе подойду».

КАРОЛИНА, *грустно*. – Это я тебе плохо объяснила, я забыла, что... что... ты немножко слишком послушен.

ГРИБУЙЛЬ. – Я пообещал всегда и точно выполнять твои указания.

КАРОЛИНА, *вздыхая*. – Ты прав... Я плохо объяснила... Ну что ж, белье постирано, давай его отнесем.

ГРИБУЙЛЬ. – Да ничуть оно не постирано! Я его даже не разобрал.

КАРОЛИНА. – Что? Не постирано, не разобрано! А что же ты делал тут два часа?

ГРИБУЙЛЬ. – Ждал тебя.

КАРОЛИНА. – Но... я же тебе сказала...

ГРИБУЙЛЬ. – Ты мне сказала: «Отнеси узел с бельем на стиральные мостки»; я и отнес.

КАРОЛИНА. – И ты его не постирал?

ГРИБУЙЛЬ. – Ты мне этого не говорила: а я точно выполняю твои указания.

КАРОЛИНА. – Да!.. это правда... ты их выполняешь точно... слишком точно... Это опять я неправа. Я должна была тебе объяснять более подробно...

ГРИБУЙЛЬ. – А что, тебе хотелось...

КАРОЛИНА, *улыбаясь*. – Увидеть белье постиранным, милый Грибуйль. Но в наказание то, что я так плохо объяснила твои обязанности, я возьмусь за это с тобой, и мы вдвоем быстро справимся.

ГРИБУЙЛЬ. – А платья?

КАРОЛИНА. – Что ж, платья подождут; я сегодня хорошо выспалась: посижу подольше вечером, и все будет сделано вовремя.

ГРИБУЙЛЬ. – Нет, Каролина, я отлично вижу, что это моя вина, хотя ты этого не говоришь: я ее и исправлю. Иди работай; я сам все постираю и принесу обратно только когда все закончу.

КАРОЛИНА. – Ты не успеешь до вечера, братец.

ГРИБУЙЛЬ. – Успею; я хорошо знаю, что делать с бельем, с маминых времен, я его стирал больше за день, чем сегодня.

КАРОЛИНА. – Да, за день, но сейчас у тебя только полдня.

ГРИБУЙЛЬ. – Все равно: вот увидишь.

И Грибуйль быстро развязал узел, снял куртку, засучил рукава рубашки, положил под колени кусок старого сукна и принялся стирать и тереть с такой энергией, что Каролина согласилась оставить его заниматься делом, пообещав вернуться через два часа, когда приготовит обед.

Каролина действительно вернулась через час после полудня, но ей не понадобилось идти к стиральным мосткам: она повстречала Грибуйля, который возвращался со тяжелым узлом мокрого белья, хорошо отбеленного, постиранного и готового для развешивания и просушки. Она хотела освободить его от груза: он не согласился отдавать ношу и снял ее с плеч лишь на чердаке, где следовало развесить белье.

Грибуйль весь вспотел и покраснел, но вид у него был довольный и сияющий. Каролина похвалила его упорство и старание, поцеловала и вытерла лоб и мокрые волосы. После этого они сели за стол. От работы разыгрался аппетит, и они с удовольствием съели овощной суп, вареные яйца и свежее масло, что составляло весь их обед. Каролина дала Грибуйлю и себе час отдыха на еду и беседу; после этого Грибуйль отправился вскапывать сад, а Каролина вновь принялась за платья для г-жи Дельмис.

V. Месть Розы

К концу недели работа была закончена. Каролина, в сопровождении Грибуйля, со свертком на плече, отправилась отнести ее г-же Дельмис.

Первое лицо, которое они повстречали, было лицо м-ль Розы; она обратилась к ним сухим и дерзким тоном:

– Чего надо? Просить пришли? Госпожа Дельмис не нуждается в новых попрошайках: у нее их и без вас достаточно.

КАРОЛИНА, *спокойно*. – Мы пришли не за милостыней, мадмуазель Роза; брат помог мне донести госпоже Дельмис платья, которые она заказала. Будьте добры, мадмуазель, передайте ей, что я их принесла и очень хотела бы произвести примерку, чтобы увидеть, как они ей подойдут.

М-ЛЬ РОЗА, *грубо*. – Оставьте тут; без вас посмотрят; госпожа Дельмис занята.

КАРОЛИНА. – Когда я смогу вернуться за платой, мадмуазель?

М-ЛЬ РОЗА. – Очень уж вы торопитесь! Вам одним, что ли, платить надо?

КАРОЛИНА. – Извините, дело в том, что после смерти матери издержки на похороны поглотили все мои денежные запасы...

М-ЛЬ РОЗА. – Вот плоды гордыни! Вам заблагорассудилось вообразить себя богачкой: и полное освещение, и торжественная служба, как будто для бог знает каких господ; а потом мадмуазель сидит без хлеба и заявляется беспокоить хозяев, не дав им даже времени взглянуть на работу!

Каролина не ответила; она позвала брата, поспешно отворила дверь и стремительно вышла, думая, что Грибуйль последовал за ней.

Но Грибуйль, раздраженный дерзкими выпадами м-ль Розы, отлично понял, по исказившемуся лицу Каролины, что она была тяжело оскорблена; вместо того, чтобы пойти за сестрой, он схватил с земли горшок, полный грязной воды, и, подкравшись к м-ль Розе, с презрением повернувшейся к ним спиной, нахлобучил горшок ей на голову, облив помоями сверху донизу; после чего быстро и бесшумно отворил дверь кухни и побежал за сестрой.

М-ль Роза, досыта нахлебавшись воды, стянула свой головной убор и, в бешенстве и изумлении оглядевшись вокруг, убедилась, что в кухне никого нет; она распахнула дверь, никого не увидела и решила, что ее палач спрятался в доме; со всех ног кинувшись на поиски, она металась из комнаты в комнату, пока не добежала до гостиной, где сидели господа Дельмис с друзьями.

При виде перепуганной Розы, в потеках грязной вонючей воды, все в ужасе повскакали с мест и разразились воплями:

– Что такое? что случилось?

РОЗА. – Злодей! Негодяй! Я ищу эту сволочь, мерзавца, который меня облил! Где он? Вы его видели? Куда он девался? Я ищу его повсюду!

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Вы сошли с ума, Роза! Как вы оказались в таком виде? О каком злодее вы говорите?

РОЗА. – Негодяй, который на меня это напялил! Как найду, зубы ему выбью! В печку затолкаю!..

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Замолчите! Прекратите! Уйдите и смените одежду: вы мне запачкаете мебель и паркет.

Роза немного опомнилась и увидела по суровому виду г-на Дельмиса, что он серьезно недоволен, ничего не поняв в происшествии, о котором она доложила чересчур невнятно. Она молча отправилась отмываться и менять одежду, еще более разозлившись от того, что не смогла найти виновника; на мгновение она заподозрила Грибуйля, но не застав его в момент

события, зная его чрезвычайную ограниченность и не предполагая, что он что-либо понял в дерзостях, которые она наговорила Каролине, решила, что он ушел с сестрой, и кроме того, ему были недоступны ни изобретательная дьявольская идея такой ловкой мести, ни способность скрыться так стремительно, что она его не увидела. Она пришла к выводу, что кто-то проник на кухню вслед за Каролиной, что он спрятался в доме, может быть, в самой кухне, и сбежал в то время, когда она бегала из комнаты в комнату в его поисках. Весь свой гнев она обратила на ни в чем не повинную Каролину и принялась осуществлять свои мстительные замыслы; с этой целью она вечер перепарывала и ушивала платья госпожи Дельмис, сделав их невозможно тесными при надевании.

На следующий день г-жа Дельмис вновь заговорила с ней о вчерашнем приключении, и на этот раз м-ль Роза все разъяснила спокойно и кротко. Г-жа Дельмис не смогла удержаться от улыбки при рассказе о гневе м-ль Розы и, чтобы отвлечь внимание, спросила, не приносила ли вчера Каролина ее платья.

РОЗА. – Сейчас должна принести, сударыня. Если угодно, я сразу их доставлю к вам наверх.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Да, принесите; я хочу их примерить, хотя с Каролиной это излишняя предосторожность: они всегда сидят наилучшим образом.

М-ль Роза ответила со злой улыбкой:

– О! Тут мадам права! Это несравненная работница.

Когда платья были доставлены, г-жа Дельмис взяла одно на примерку: рукава не пролезали, проймы оказались узки.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Смотрите-ка, Роза: я не могу просунуть руку в рукав, такой он тесный.

РОЗА. – Вы так считаете? Может быть, ткань жестковата. А если немного растянуть?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Растягиваю изо всех сил – не проходит. Я разорву швы, если буду тянуть сильнее.

РОЗА. – А и правда, верно! Мадам права. Как же это вышло? Каролина ведь так умеет шить, ни разу не испортила ни одного платья для мадам!

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Дайте мне другое, я его примерю. Хоть бы это подошло!

РОЗА. – Мадам, стало быть, думает, что если Каролина испортила одно платье, так уж два не испортит?

Г-жа Дельмис примерила другое платье.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Отлично! Тут рукава сидят хорошо!.. Ах! Боже мой! Корсаж спереди не сходится! Не застегнуть.

РОЗА. – Вот странно, неужели Каролина ошиблась размерами?.. А, случаем, раньше-то она ли кроила?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Как не она! Кто же, вы думаете, ей кроил?

РОЗА. – Да слышала я как-то, что вроде бы это все мать кроила и сметывала платья, так что Каролине оставалось только сшить. Я всегда презирала эти враки; но... после того, что случилось с вашими платьями, сударыня, я бы вполне поверила, что говорят правду.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Почему же вы меня не предупредили? Я велела бы сделать сначала одно платье, чтобы увидеть, как оно получится. Теперь я уверена, что другие тем более не подойдут. Так что тут и ваша вина, Роза, я недовольна вашей чрезмерной деликатностью.

РОЗА. – Да ведь вы знаете, сударыня, столько всякого болтают, а потом оказывается, что неправда! Если верить всему, что говорят и повторяют тут и там, то можно было бы причинить неприятности вполне порядочным людям, которые вынуждены зарабатывать на кусок хлеба. Я не люблю Грибуйля, он груб и резок; но Каролину мне не за что ненавидеть, да и не стала бы я пользоваться ее несчастьем, чтобы лишиться милости мадам и заработка. Мадам так добра к ней! Это ведь вам, сударыня, она обязана всей своей практикой.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Хорошо же она воздаст моим милостям, испортив оба платья.

РОЗА. – Может быть, другие подойдут лучше. Вы их не примеряли, потому что они еще у Каролины.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Но эти-то! Как переделать такие тесные платья?

РОЗА. – У вас, сударыня, есть остаток ткани, можно было бы сшить новые корсажи и новые рукава.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС, *с гневом*. – Заодно уж и купить к ним новые платья! Замолчите, Роза: вы выводите меня из терпения, вы пытаетесь оправдать дурочку, которая меня обманула, заставив поверить, что она умеет работать, тогда как это ее мать делала все самое важное! Ступайте позовите Каролину.

М-ль Роза не заставила просить себя дважды и со всех ног помчалась к Каролине.

– Хозяйка вас зовет, – сказала она с торжествующим и насмешливым видом.

«Это, конечно, чтобы заплатит», – подумала Каролина и молча поднялась с места.

– Мадмуазель язык потеряла! – ехидно заметила м-ль Роза.

Обратив к ней печальный сдержанный взгляд, Каролина мягко произнесла:

– То, что вы сказали, не требовало ответа, мадмуазель.

М-ль Роза не решилась возражать; спокойствие и грусть Каролины вызвали в ней нечто вроде угрызений совести, а ужасные взгляды, которые метал Грибуйль, заставляли страшиться его вооруженной руки.

Каролина вышла первая. М-ль Роза следовала в отдалении, предпочитая не присутствовать при сцене, которая, как она предвидела, должна была произойти между г-жой Дельмис и Каролиной.

– Вы меня спрашивали, сударыня? – сказала Каролина, войдя к г-же Дельмис.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС, *со сдерживаемым гневом*. – Да, мадмуазель, я звала вас; вы догадываетесь, почему?

КАРОЛИНА. – Я подумала, что мадам собирается заплатить то, что она мне должна, как я об этом попросила через посредничество мадмуазель Розы. Я очень огорчена необходимостью беспокоить вас, но смерть бедной матушки вызвала расходы, которые истощили мой небольшой запас, и я надеюсь на вас, сударыня, вы всегда были так добры ко мне.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – А вы, мадмуазель, ведете себя как бесчестная и неблагодарная девица. У вас есть основания требовать денег, но вы их получите от меня в последний раз... Держите, вот шестьдесят франков, что я вам была должна, не считая последних платьев, которые я вам, конечно, не оплачу и требую вернуть мне те, которые осталось сделать.

Каролина слушала г-жу Дельмис со все возрастающим удивлением. Она стояла онемевшая и озадаченная, пытаясь понять, что могло вызвать недовольство заказчицы. Шестьдесят франков лежали на столе, но она не попыталась ни взять их, ни заговорить.

Г-жа Дельмис подняла глаза и была тронута страдальческим выражением лица бедной девушки.

– Возьмите ваши деньги, – сказала она более мягко, – я не говорю, что никогда не оплачу вашу работу за последние четыре платья, но для этого нужно, чтобы вы мне их привели в порядок, потому что я не могу их надеть в том виде, какие они есть... Отвечайте же, Каролина, что вы стоите и молчите, как каменная?

КАРОЛИНА. – Простите, сударыня... это потому что... я удивлена... я не понимаю, в чем вы меня упрекаете... Как, чем я могла вызвать ваше недовольство...

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Тем, что выдавали себя за ту, кем вы не являетесь, и продолжая брать заказы после смерти матушки.

Удивление Каролины усилилось.

КАРОЛИНА. – Но... вы, сударыня, сами заказали мне эти платья... После маминой смерти я более чем когда-либо нуждалась в работе... Я еще менее понимаю, в чем вы меня упрекаете.

– В том, что вы испортили мои платья, они сидят ужасно! – не выдержав, вскричала г-жа Дельмис, – а вы не соизволили меня предупредить, что это ваша мать их кроила и слаживала, и что вы только и умеете, что шивать уже готовую работу.

КАРОЛИНА. – Так вам сказали! и вы этому поверили! Зная меня уже три года, вы смогли поверить этой клевете!.. Я не спрашиваю, сударыня, от кого вы это узнали, я слишком хорошо об этом догадываюсь; но все, что я могу сказать, это то, что никогда матушка не касалась моей работы, что у нее не было сил держать ножницы и что работа, которую я передавала мадам и которой она была довольна, была моей и только моей... Мадам вправе полагать, что я не потребую денег, в которых она мне отказывает и которые я, однако, честно заработала... Имею честь засвидетельствовать мое почтение мадам, покидая ее, чтобы больше не увидеть, и поблагодарить ее в последний раз за оказанные милости мне и моей бедной матушке.

Пришел черед госпоже Дельмис удивиться спокойным и достойным словам Каролины, которая ушла раньше, чем та успела ее удержать.

VI. Объяснения

Встретившаяся на обратном пути м-ль Роза приветствовала Каролину насмешливым поклоном. Каролина прошла мимо, не взглянув на нее, а, войдя к себе, затворила дверь, кинулась на колени возле опустевшей материнской постели и разразилась рыданиями.

Грибуйль смотрел на нее с удивлением.

– Почему ты так сильно плачешь, бедная Каролина? – спросил он, пытаясь ее приподнять.

КАРОЛИНА, *вздвигнув*. – Ты тут, Грибуйль? Я думала, что одна.

ГРИБУЙЛЬ. – Почему ты плачешь? Скажи, сестрица, почему ты плачешь?

КАРОЛИНА. – Потому что госпожа Дельмис считает, что я ее обманула, что я не умею работать; что я испортила ее платья; что это мама их кроила. Она сказала, что не оплатит мне работу всей последней недели; что больше не даст мне заказов.

ГРИБУЙЛЬ. – И ты из-за этого плачешь! Ты же ведь отлично знаешь, что это неправда!

КАРОЛИНА. – Да, но какое мучение выслушивать обвинения в обмане, когда ты честен.

ГРИБУЙЛЬ. – Правда! Ну и что ж! это глупо: для меня, например, это ничего не значит. Мне однажды сказали: «Грибуйль, у меня пропало много яблок, это ты их украл», а я засмеялся и ответил: «Ничего я у вас не крал; ищите вора в другом месте; это не я». Если бы госпожа Дельмис мне сказала: «Грибуйль, ты плохо вскопал мой огород, горох не взошел...», я бы несколько не огорчился, а ответил бы: «Сударыня, я ваш огород вскопал хорошо. Если горох не взошел, вините мамзель Розу, которая запросто могла бы сыграть со мной скверную штуку». А если бы она закричала: «Ты злой, ты неблагодарный», я опять не дал бы сбить себя с толку и сказал бы: «Ошибаетесь, сударыня, я добрый и признательный; а вам должно быть стыдно иметь такие скверные мысли». Если хочешь, сестрица, я пойду и скажу госпоже Дельмис, что ты честная, что ты отлично работаешь, что ты не портила ее платья, что это она воровка, раз не платит тебе, и что тем хуже для нее, коли она не дает тебе работы. Хочешь? Прямо сейчас пойду и скажу.

КАРОЛИНА. – Нет, нет, Грибуйль, умоляю тебя; не говори ей ничего; пусть бережет свои деньги. У меня достаточно других клиентов, они дадут мне заработок; я надеюсь не потерять заказы; у меня их становится больше, чем могу сделать. Мне надо еще закончить платья и белье для жены помощника мэра, а еще – для школьной учительницы и для других.

ГРИБУЙЛЬ. – А ты больше не будешь плакать?

КАРОЛИНА. – Нет, нет, обещаю тебе; я сейчас же примусь за работу.

ГРИБУЙЛЬ. – Отлично. Знаешь, господин кюре говорит, что нужно быть довольным всем, что Господь нам посылает. Я-то всегда доволен...

КАРОЛИНА, *улыбаясь*. – Исключая случаи, когда скучаешь возле белья для стирки.

ГРИБУЙЛЬ, *смеясь*. – А! Да, это правда! Я в тот день был глупым, но... с тех пор много думал и не потерял время даром, уверяю тебя.

На этих словах кто-то постучал в дверь.

– Войдите, – сказала Каролина. – Да это Томас!

– Простите, мамзель, меня послала госпожа Гребю, супруга помощника, за своими платьями.

КАРОЛИНА. – Я их еще не начинала, мой маленький Томас; как раз сейчас возьмусь за них.

ТОМАС. – Не надо, не надо, мамзель; госпожа Гребю требует забрать платья в том виде, как есть; она как раз и надеялась, что вы не успели еще за них взяться.

КАРОЛИНА. – Она что же, не хочет, чтобы я их сшила?

ТОМАС. – Надо полагать, что нет, мамзель.

КАРОЛИНА. – А почему? ты знаешь?

ТОМАС. – Не знаю, мамзель. Я проходил мимо дома госпожи супруги мэра: госпожа Гребю, которая там была, позвала меня в окно; я подошел, она мне сказала: «Томас, беги скорее к Каролине, забери у нее мои платья, пускай она мне их отдаст, все равно, закончены они или нет, и все отрезы с ними; я надеюсь, что она за них еще не бралась».

КАРОЛИНА. – А госпожа Дельмис там была?

ТОМАС. – Нет, там была только мадмуазель Роза, она так смеялась, так смеялась, что ее смех меня тоже заразил; я бежал и смеялся.

КАРОЛИНА. – Хорошо, мой маленький Томас. Грибуйль, иди найди платья в кусках, они лежат в большом шкафу в чулане; заверни их в серую бумагу, ее найдешь сверху на шкафу, и отдай их Томасу; смотри не ошибись.

Грибуйль, кинувшись исполнить наказ сестры, подбежал к шкафу, внимательно рассмотрел платья, достал их, завернул в бумагу и отдал Томасу.

– Прощайте, мамзель, – сказал Томас, унося сверток. – До свиданья, Грибуйль!

«Очередная выходка Розы, – подумала Каролина, – как бы ей не удалось таким образом отпугнуть всех моих клиентов!»

Каролине нужно было закончить еще несколько заказов, и после нескольких минут грустных размышлений она пошла за бельем для работы. Первая вещь, которая бросилась ей в глаза при открытии шкафа, был узел с платьями в кусках для госпожи Гребю.

– Грибуйль, Грибуйль! – вскричала она в ужасе, – что ты отдал Томасу? Вот же платья госпожи Гребю, я их нашла в шкафу.

ГРИБУЙЛЬ. – Я дал платья в кусках, как ты мне сказала.

КАРОЛИНА. – Да какие платья? Других у меня не было, вот они.

ГРИБУЙЛЬ. – Это не те, которые я отдал; это новые; я отдал старые-престарые, те, которые ты когда-то здесь спрятала, потому что они разорвались на куски и ты не могла их больше надевать.

КАРОЛИНА. – Милосердный боже! Что ты наделал! Они подумают, что я хочу их обокрасть! Беги, бедный Грибуйль, догони Томаса, приведи его сюда, скажи ему, что ты ошибся, что платья у меня.

ГРИБУЙЛЬ. – Бегу, сестрица, бегу! Что за несчастье такое, Каролина без конца все путает! А потом говорят, что это я дурак.

Так размышлял Грибуйль на бегу; но как он ни спешил, Томас тоже бежал во весь дух и прибыл раньше него. Он вручил сверток г-же Гребю, та развернула его и испустила вопль:

– Смотрите, дорогая, смотрите, что мне отправили вместо моих прекрасных новых платьев! – воскликнула она, предъявляя г-же Дельмис три старых распорки, которые она с негодованием швырнула на пол.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Да это неслыханно! За это надо сажать! Господин Дельмис, господин Дельмис, – продолжала она, – идите сюда, поторопитесь; срочное дело!

– Что случилось? – спросил г-н Дельмис, выходя из рабочего кабинета.

Г-ЖА ГРЕБЮ. – Случилось то, сударь, что надо арестовать Каролину Тибо: она воровка, она спрятала два платья в кусках, которые я отдала ей сшить, и вот что послала вместо них.

МЭР. – Это невозможно! Тут какое-то недоразумение.

Г-ЖА ГРЕБЮ. – О каком недоразумении вы тут говорите? Я потребовала у нее мои платья; а она прислала то, что вы видите. По правде говоря, это уж чересчур!

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Вот именно потому, что это уж чересчур, я говорю и настаиваю, что кто-то тут заблуждается, тут какая-то ошибка.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Вот вечно вы так, господин Дельмис: никого не слушаете, никому не верите; можно подумать, что ни у кого в мире нет разума, кроме как у вас. Я утверждаю, что кража налицо, и требую от вас как от мэра, именем моей подруги, госпожи жены помощника, арестовать воровку!

Г-н Дельмис улыбнулся, пожав плечами; в тот момент, когда он собирался ответить, в комнату стремительно ворвался Грибуйль, преследуемый или, скорее, схваченный мадмуазель Розой, которая удерживала его изо всех сил и от которой он отбивался пинками и кулаками. Дамы вразнобой заголосили.

– Убийца! – кричали они. – Убийца! Брат воровки! Он зарежет Розу! На помощь!

– Замолчите же! – властно воскликнул Дельмис: – Вы переполошите весь город.

– Именно этого мы и хотим, раз у вас не хватает храбрости арестовать виновных, – парировала г-жа Дельмис.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Тихо! Роза, отпустите Грибуйля, дайте ему сказать! Что ты хочешь, мальчик?

ГРИБУЙЛЬ. – Сестрица меня отправила, господин мэр, чтобы вам сказать, что она плохо объяснила, как это у нее обычно со мной выходит; она мне сказала: «Иди найди в шкафу платья в кусках для госпожи Гребю». Я понял, что платья в кусках – это куски платьев... кусочки... так ведь, господин мэр?

– Продолжай, Грибуйль, – сказал мэр, улыбаясь и начиная понимать.

ГРИБУЙЛЬ. – Я беру самые рваные платья, такие, где больше всего клочков, как она сама и сказала; заворачиваю их в серую бумагу; как она мне и велела, и даю их Томасу – все в точности, как она мне и сказала. А потом она как застыла, ну прямо как статуя, не шевелится, не улыбается, вся бледная, а потом как побежит к шкафу да как закричит: «Ах, боже мой! Грибуйль! Милосердный боже! Платья! Вот они! Вот они! Беги скорее! Они скажут! Они подумают! Скажи, что ты ошибся! Что платья у меня!..» И я не знаю, что еще: про воровку, про Томаса, чтобы его догнать. И тогда, господин мэр, я как побежал! но Томас прибежал быстрее, чем я. А тут – нате вам: мадмуазель Роза загородила мне проход! «Не войдешь, – говорит. – Войду, – говорю. – Не пройдешь. – Пройду». Короче, она хватает меня за куртку; я даю ей пинка; она меня – кулаком... да еще так здорово... Я отбиваюсь что есть сил, и ногами и руками, и вот я здесь, и все потому, что всегда слушаюсь сестрицу.

Мэр, которого сильно позабавил рассказ Грибуйля, обернулся к дамам.

– Ну, видите! Кто из нас был прав?

Затем, повернувшись к багровой, запыхавшейся Розе, стоявшей у дверей.

– Роза, если вы еще раз повторите то, что сейчас устроили, то немедленно покинете мой дом.

И обращаясь к Грибуйлю:

– Забирай свой узел с платьями, мой бедный мальчик, и скажи сестре, чтобы она не огорчалась, а отослала госпоже Гребю то, что ей принадлежит, и что если ей что-нибудь понадобится от меня, я готов оказать услугу. Ты хороший мальчик, очень хороший... очень честный; я позабочусь о тебе и твоей сестре. Передай это Каролине.

Грибуйль, в полном восторге, попрощался с мэром, г-жой Дельмис и г-жой Гребю.

– А дамы ничего не желают мне приказать? – спросил он с самым любезным видом.

– Убирайся, и чтобы сюда ни ногой, – отвечала г-жа Дельмис.

Грибуйль удивленно взглянул на нее, не ответил и вышел, попрощавшись напоследок с мэром.

– Что вы имеете против бедного Грибуйля? – сказал г-н Дельмис, улыбаясь.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС, *раздраженно*. – Что имею, то и имею: не ваше дело; он не лучше своей сестрицы.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Я считал его сестру одной из ваших главных любимиц: вы же ей давали шить все ваши платья.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Давала; но больше не дам.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – С чего бы вдруг? Не потому ли, что она потеряла мать и более, чем когда-либо, нуждается в куске хлеба?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Потому что она так основательно испортила мои последние платья, что я не могу их носить.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – А я думал, что она так умеет работать...

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Умела, пока была жива ее мать, потому что это мать кроила и готовила работу.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – И кто же вам это сказал?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Роза.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – А! Ну да! Все та же Роза. А как она узнала?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Она узнала, потому что ей это сказали, она этому поверила, когда увидела, как ужасно сидят мои платья.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – А кто вам принес платья на примерку?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Роза.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Сколько времени они у нее были?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Минут пять.

ГОСПОДИН ДЕЛЬМИС. – А!.. Тогда другое дело.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Другое дело? Что за другое дело? Что вы думаете?

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Я думаю, что если бы она их получила накануне, то могла бы их перекроить и перешить, по злобе против Каролины, которую она ненавидит.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Ненавидит? Да наоборот, очень любит; она мне это еще утром говорила.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – В то время как порочила Каролину в ваших глазах! Мои полицейские расследования решительно доказывают, что она ее ненавидит и что это плохая женщина. Вы уверены, что платья не были принесены накануне?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Она мне так сказала; кто еще, по-вашему, должен мне сообщить об этом?

Г-н Дельмис ничего не ответил и, попрощавшись с г-жой Гребю, ушел к себе в кабинет.

Оставшись одни, дамы посмотрели друг на друга.

– Что вы об этом думаете? – спросила наконец г-жа Гребю.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Ничего я не знаю и не думаю. Слушайте, дорогая, давайте сделаем так: возьмем платья и покажем их Каролине, как будто хотим попросить их перешить.

Г-ЖА ГРЕБЮ. – Лучше не придумаешь; пойдем.

Г-жа Дельмис завернула платья в узел и отправилась к Каролине в сопровождении г-жи Гребю. При виде вошедших дам удивленная и испуганная Каролина поспешно поднялась с места.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Не бойтесь, Каролина; мне сказали сегодня утром, что вы не умеете как следует шить платья, что это ваша мать их кроила; я этому поверила, потому что платья испорчены, и вот я их принесла, чтобы вы посмотрели, можно ли их переделать.

КАРОЛИНА. – Чрезвычайно благодарю вас, сударыня; я не смела просить об этом после того, что вы сказали нынче утром.

И Каролина, развязав узел, принялась рассматривать платья.

КАРОЛИНА. – Корсажи и рукава заужены, сударыня; их перекроили.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Это невозможно! Я их примерила через пять минут после того, как вы их принесли.

Каролина выглядела удивленной.

КАРОЛИНА. – Позвольте спросить, когда вы их примеряли?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Сегодня утром, в десять часов.

КАРОЛИНА. – Я принесла их вчера, около четырех часов пополудни.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Я была дома: почему вы мне их не показали?

КАРОЛИНА. – Мадмуазель Роза не позволила; она сказала, что вы заняты.

– Странно все это, – сказала г-жа Дельмис.

КАРОЛИНА. – Не желаете ли убедиться, сударыня? Вот неровные стежки; вот вырезанные места. Как видите, сшито плохо; вы знаете, сударыня, что я не имею обычая сдавать небрежно сделанную работу.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Верно. У вас всегда все сделано аккуратно и тщательно.

КАРОЛИНА. – Сударыня, если вы позволите оставить эти платья, я постараюсь их перешить, расставив клинья наивозможно лучшим образом. Только я бы попросила вас, сударыня, прийти их примерить у меня.

– Хорошо, очень хорошо! – с улыбкой ответила г-жа Дельмис, – я догадываюсь, чего вы опасаетесь... Грибуйль, Роза любит твою сестру?

ГРИБУЙЛЬ. – Нет, сударыня, ненавидит.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Почему это и давно ли?

Грибуйль рассказал г-же Дельмис приключение с платьем, злобу м-ль Розы, ее угрозы по адресу платьев, сшитых Каролиной. Удивленная г-жа Дельмис слушала, то смеясь над наивностями Грибуйля, то возмущаясь мерзостями Розы.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Я позабочусь о том, чтобы эти скверные случаи не повторились, мой бедный Грибуйль. Как вернусь, то и мадмуазель Роза получит свой узелок.

ГРИБУЙЛЬ. – Не хочет ли мадам, чтобы я его ей отнес?

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Нет, нет, Грибуйль; в том узелке, который я собираюсь ей дать, будет хороший выговор и предложение, чтобы она искала другой дом для упражнений в пакостях.

Г-жа Дельмис попрощалась с Каролиной и Грибуйлем и отправилась в обратный путь, в сопровождении г-жи Гребю, которая не произнесла ни слова.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Меня удивляет, что вы все молчали; я думала, что вы собираетесь попросить Каролину шить ваши платья.

Г-ЖА ГРЕБЮ. – Я лучше подожду, когда будут переделаны ваши, чтобы уж точно убедиться, что она их самолично шьет.

Г-ЖА ДЕЛЬМИС. – Как! Вы все еще верите тому, что нам наговорила эта злая Роза?

Г-ЖА ГРЕБЮ. – Не совсем, но не без этого; вот пусть ваши платья и послужат доказательством.

Дамы вернулись; Розы не было дома. Через некоторое время к г-же Дельмис одна за другой явились подруги с расспросами о Каролине, которая испортила платья г-жи Дельмис и должна была испортить и остальные, не умея их кроить.

– От кого вы узнали эту ложь? – спрашивала г-жа Дельмис.

– От Розы, – отвечали дамы в один голос.

Г-жа Дельмис оправдывала Каролину и таким образом возместила ущерб, который нанес ее враг.

VII. Разбитая посуда

Когда Роза вернулась, г-жа Дельмис позвала ее к себе, сообщила о том, что узнала, предупредила, что не оставит ее на службе и будет искать другую служанку. М-ль Роза с плачущим видом утверждала свою невиновность и попыталась упасть в обморок. В этот момент в комнату вошел г-н Дельмис; он схватил кувшин и вылил всю воду на м-ль Розу; та моментально пришла в себя и метнула на хозяина взгляд, полный жизни и ярости.

Г-Н ДЕЛЬМИС, *с насмешливым видом*: – Советую вам, Роза, запомнить этот превосходный прием, чтобы приводить в себя упавших в обморок: от воды до того, что поможет наилучшим образом.

М-ль Роза не решилась отвечать и поспешно вышла.

Оказавшись на кухне, она заплакала от бешенства и, выйдя из себя, принялась сыпать сахар в соленые блюда, соль и перец в кремы и пирожные; все остальные обеденные блюда были приправлены таким же образом, так что стали несъедобными.

Г-жа Дельмис закричала, что Роза собиралась их отравить. Г-н Дельмис отправился на кухню и сделал Розе выговор, на который получил сварливую отповедь. Г-н Дельмис разозлился; м-ль Роза вспыхнула. Г-н Дельмис пригрозил немедленно ее выгнать; м-ль Роза ответила, что ее это волнует как прошлогодний снег; что она не держится за дом, что ей не составит труда устроиться получше и т. д.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Собирайте вещи, негодяйка: с завтрашнего дня вы уволены.

РОЗА. – С удовольствием и без сожалений; я уж порасскажу хорошеньких штучек про ваш дом.

Г-Н ДЕЛЬМИС. – Ваш злой язык может болтать все, что ему заблагорассудится, когда вас больше у меня не будет: а до того времени замолчите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.